

УДК 261.7

А. А. Пешков, кандидат философских наук, кандидат богословия,
преподаватель Нижегородской духовной семинарии

Образ прп. Нила Сорского и прп. Иосифа Волоцкого в отечественных исследованиях

Аннотация: В статье анализируются отечественные исследования, посвященные преподобным Нилу Сорскому и Иосифу Волоцкому. Актуальность темы обусловлена противоречивостью образов преподобных в историческом анализе отечественных ученых. В статье критически оцениваются попытки исторических школ XIX–XX веков дать излишне упрощенный образ полемики между святыми. Также критически осмысляются попытки представить прп. Иосифа исторической фигурой, искажившей естественный ход развития древнерусской святости. В статье дается вывод, что

личные и научные предпочтения исследователей зачастую искажают исторический и агиологический образ святых Нила Сорского и Иосифа Волоцкого.

Ключевые слова: прп. Нил Сорский, прп. Иосиф Волоцкий, «нестяжатели», «иосифляне», «евангелизм», «византизм», церковно-государственные отношения.

The Image of St. Nil Sorsky and Joseph Volotsky in Russian Studies

Abstract: the Article analyzes domestic research devoted to the Reverend Nil Sorsky and Joseph Volotsky. The relevance of the topic is due to the contradictory images of the Reverend In the historical analysis of domestic scientists. The article critically assesses the attempts of historical schools of the XIX–XX centuries to give an overly simplified image of the polemic between the saints. Also critically comprehended attempts to present the monk Joseph as a historical figure, distorted the natural course of development of ancient Russian Holiness. The article concluded that personal and scientific preferences researchers often distort the historical and geologicheski the way of the saints, nil of Sora and Joseph of Volokolamsk.

Key words: St. Nil Sorsky, St. Joseph Volotsky, «Non-possessors», «Josephites», «Evangelism», «Byzantium», Church-state Relations.

Значение преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого в истории Руси, их сходство и различие далеко не исчерпано в проведенных исследованиях. Об этом свидетельствует не иссякающий интерес к фигурам преподобных и зачастую диаметрально противоположные оценки их личностей и деятельности¹. Знаменитая фраза протоиерея Георгия Флоровского — о прп. Иосифе Волоцкого и его деяниях написано слишком много, но при этом не раскрыта суть явления² — перетекает из одного

современного исследования в другое. Растиражированность этой цитаты лишь подчеркивает актуальность данной темы. Профессор Гюнтер Шульц констатировал, что прп. Иосиф Волоцкий «до сих пор совершенно не изучен, хотя он — ключ к XVI веку»³. Между тем, и прп. Иосиф, и прп. Нил являются ключевыми фигурами для определения духовных векторов развития России и Русской Церкви⁴.

При этом профессор Фери фон Лиленфельд, анализируя труды, посвященные прп. Нилу Сорскому, резюмирует, что современные — как отечественные, так и западные — исследования за последние 30 лет застыли на оценках XIX века⁵. Исследователи, по мнению немецкого ученого, вписывают фигуры преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого в искусственные философско-исторические конструкции: «После того, как изжил себя взгляд на историю как на историю властителей, ее стали понимать в значительной мере как историю народов в национально окрашенном романтическом смысле, а собственно национальную историю — как историю течений и направлений. [...] Тут речь шла об идеях, сталкивавшихся между собой, об их носителях и поборниках, или, наоборот, — об общественных силах, „классах“ и их идеологиях, носителями которых потом уже были конкретные личности»⁶.

В науке сложилась картина, в которой эти святые встраивались в идеологическое противостояние, став идейными руководителями партий «нестяжателей» и «стяжателей». В силу того, что в философии истории того времени ее движущие силы усматривали в классовом противостоянии, в экономическом факторе, власти, идейный облик святых анализировался в контексте их отношения к власти, имуществу, социальному неравенству. Митрополит Питирим (Нечаев) писал, что в большинстве исследований «начиная с очерка Н. И. Костомарова, доминирует тенденциозная традиция либеральной историографии прошлого века, приверженцы которой настойчиво пытались представить преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского вождями двух противоборствующих направлений в русской духовной жизни»⁷.

В исследованиях одна из сторон представлялась передовой и либеральной, а другая — сторонницей обрядовой религии. Одна выступала против церковной клерикальной политической власти и церковного имущества — опоры этой власти, а другая становилась идеологом власти и ее опорой⁸.

Первыми роль прп. Иосифа Волоцкого в истории Русской Церкви отметили митр. Платон (Левшин)⁹ и еп. Иннокентий (Смирнов)¹⁰. Они подчеркивали, что труд прп. Иосифа «Просветитель» относится к важнейшим в церковной истории, и сожалели, что он так и не был издан. Однако в контекст отечественной истории фигуру прп. Иосифа Волоцкого именно как исторического деятеля вписал Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» в 1819 году. В ней преподобный предстает как государственник и обличитель ереси жидовствующих. Именно с позиции государственных интересов предстает деятельность преподобного в исторической концепции Карамзина, где основатель Волоколамской обители преследованием и расправой над жидовствующими укрепляет основы государства. Карамзин соглашается, что такая политика противоречит духу Евангелия и книгам апостольским, но оправданна, если «явный и дерзостный соблазн угрожает Церкви и Государству, коего благо тесно связанное с ее (веры — А.П.) невредимостью»¹¹. Таким образом, уже изначально формируется исторический образ преподобного, вписанного в проблему церковно-государственных отношений¹². Впоследствии этот пример будет усилен фигурой прп. Нила Сорского, как идейного и политического противника прп. Иосифа.

Оценивая тенденции отечественной церковной истории, в контексте изучения истории раннего иосифлянства, Д. А. Винокуров считает, что она складывается в русле признания особой роли Православной Церкви в истории России, «проявляющейся в предпочтительном бдении Промысла Божия над Россией» и «преимущественно благотворном и сильнейшем влиянии христианской Веры на политическое могущество русского Царства»¹³. Подобный монизм подхода, восходящий,

по мнению Винокурова, к Степенной книге, стал преодолеваться лишь во второй половине XIX века¹⁴.

В середине XIX века выходит уже ряд монографий, посвященных личности волоколамского игумена¹⁵. В них последовательно выражается традиция, заложенная житийной канвой и трудами Н. М. Карамзина.

Первые исследователи отечественной церковной истории анализировали проблему жидовствующих и роль в ее решении прп. Иосифом, исходя из бинарного противопоставления пришедшей извне ереси жидовствующих, чуждой отечественной истории, и органичной ходу церковной и гражданской истории позиции прп. Иосифа.

В этом ракурсе еретики рассматривались с неизбежной негативной коннотацией не только как враги веры и государства, но даже как лишённые морального достоинства¹⁶. Отсюда и преследование прп. Иосифом еретиков оценивалось как ревность волоколамского игумена в защите веры. В качестве аргумента в пользу расправы с еретиками стали приводить идею о длительном увещании еретиков и их упорном запирательстве. Вследствие чего, чтобы ересь не распространялась, казнь еретиков представлялась наименьшим злом.

Первый этап изучения жизни прп. Иосифа Волоцкого завершается трудами П. С. Казанского и Н. А. Булгакова, в которых житийное описание вплетается в научную риторiku. В то же время в сочинении Н. А. Булгакова содержится важный апологетический элемент, освещающий образ волоколамского игумена: мысль о том, что иосифлянское направление было искажено его последователями¹⁷.

Важную роль в сохранении житийного образа преподобных сыграл митр. Филарет (Дроздов). Еще до полного издания «Просветителя» прп. Иосифа Волоцкого московский святитель, высоко оценивая значение этого труда, заявил, что «самая придирчивая критика должна молчать»¹⁸.

Вторая половина XIX века и начало XX века показывают смену вектора в оценках исторических образов преподобных Нила и Иосифа. Исследователи отходят от житийных сюжетов, но при этом пытаются вплести их в новое понимание исторического процесса.

Яркой иллюстрацией влияния на дореволюционную историческую науку и на восприятие образа преподобных идеологических рамок стала публикация диссертации И. П. Хрущова¹⁹ и последовавшая за этим история, связанная с присуждением Уваровской премии²⁰. В дискуссию по присуждению премии включился известный профессор Московской духовной академии К.И. Невоструев. Он выступил против награждения Хрущова — как кощунника, посягнувшего на канонизированный образ прп. Иосифа. Позицию И. П. Хрущова принялся защищать О. Ф. Миллер, написав статью «Инквизиторские вождедения ученого», в которой он свел научную полемику к личному отношению в вопросе свободы совести, обвинив московского историка в моральной нечистоплотности.

В результате возник конфликт между О. Ф. Миллером и К.И. Невоструевым, который показал, что оценки деятельности преподобных Нила и Иосифа в дореволюционной историографии строились зачастую на ненаучных, идеологических основаниях.

После смерти свт. Филарета набирает обороты критическое отношение к прп. Иосифу. В рамках нарождающегося либерального дискурса его образ в 80-е годы XIX века приобрел черты реакционера и обскуранта, его богословская и церковная деятельность оценивалась как начетническая и инквизиционная. Образ же прп. Нила Сорского, наоборот, противопоставляется как подлинно духовный и либеральный.

Завершает дореволюционный период позиция В. О. Ключевского, который более сдержан в своих оценках противостояния «иосифлян» и «нестяжателей», разделяя их не по социальному или политическому признаку, но как идеологов обновления монашества: «В поднявшемся споре обозначились два направления монашества, исходившие из одного источника — из мысли о необходимости преобразовать существующие монастыри. Общежитие прививалось в них очень туго; даже в тех из них, которые считались общежительными, общее житие разрушалось примесью osobного. Одни хотели в корне преобразовать все монастыри на основе нестяжательности, освободив их от вотчин. Другие надеялись исправить монастырскую жизнь восстановлением

строного общежития, которое примирило бы монастырское землевладение с монашеским отречением от всякой собственности. Первое направление проводил преподобный Нил Сорский, второе — преподобный Иосиф Волоцкий»²¹.

Советский период не изменил ситуацию. Здесь одни клише заменились другими, идеологически еще более жесткими. Исследования выполняются в рамках марксистской идеологии, где официальная Церковь выступает опорой правящего класса, угнетающего передовые рабочие классы. В этот период, в 1920-е годы, образ прп. Иосифа трактуется как образ «классового врага». Позднее, в 1940-х — как образ «государственника», и впоследствии — как «воинствующего церковника», который борется с «передовыми людьми» русского средневековья.

В 1950–1980-е гг. вопросами истории иосифлянства занимались Я. С. Лурье, Н. А. Казакова, А. А. Зимин, А. И. Клибанов, К. В. Айвазян. В этот период возникает более взвешенный подход к образу преподобных Нила и Иосифа. Но при этом подвергается сомнению историческая значимость свидетельств прп. Иосифа о жидовствующих²². Б. А. Рыбаков высказал предположение, что прп. Нил Сорский, в силу боярского происхождения, своей политикой защищал имущественные интересы боярства.

Исключение составляет «Церковная история» митр. Питирима (Нечаева), написанная в среде академического церковного богословия. Здесь автор защищает житийный образ святых и выступает категорически против самого противопоставления прп. Нила и прп. Иосифа как идейных противников. Исторические данные, считает митр. Питирим, противоречат этой теории. «Противостояние» касалось лишь незначительных деталей: «Расходились же между собой преподобные Нил и Иосиф лишь в сравнительном предпочтении скита и общежительной обители и в вытекающем из этого предпочтения различии иноческого идеала — умереть ли для всякого земного попечения или же быть „мужем дела“ и примирить иноческий аскетизм с практической деятельностью на благо народа»²³.

Вместе с тем, советский период развития исторической науки стал временем масштабных изданий источников, источниковедческих и конкретно-исторических исследований иосифлянства и нестяжательства.

Новый шаг в понимании образов прп. Нила Сорского и прп. Иосифа Волоцкого сделали эмигрантские исследователи. «Иосифляне» и «нестяжатели» здесь противопоставляются уже не с партийных или классовых позиций, а с точки зрения столкновения духовных идеалов. Тон в этом подходе задает статья Г. П. Федотова — «Трагедия древнерусской святости».

Его историософский подход отчасти напоминает отношение славянофилов к роли Петра I в истории России: также вводится два начала в духовном развитии России. В концепции Г. П. Федотова благочестие, начиная со времен прп. Феодосия, развивается в двух направлениях — внешнем и внутреннем. Но это еще не является кризисом в развитии благочестия на Руси: «Настоящее несчастье заключалось в полноте победы одного из них, в полном подавлении другого. Победившие осифляне сумели соединить дело своих противников с жидовствующей и рационалистической ересью, и в течение десятилетий на московских соборах судили и осуждали их»²⁴.

Согласно подходу Федотова, естественному ходу развития духовности на Руси навязывается одностороннее развитие «уставного благочестия». Исследователь делает важный вывод: «Те отрицательные стороны московского быта, в которых видели влияние татарщины, развиваются особенно с 16 века. 15-й, рядом с ним, — век свободы, духовной легкости [...] Начало 16-го еще живет наследством прошлого. [...] В 17 веке закат святости нагляднее»²⁵. «Ныне уже ясно, — завершает мысль Г. П. Федотов, — что основной национальный путь московского благочестия 17 века вел прямым путем к старообрядчеству»²⁶.

Другой историк русского зарубежья, исследователь отечественной духовной традиции И. К. Смолич в работе «Русское монашество» фактически повторяет выводы Федотова — о различии духовных идеалов и подлинной аскезы прп. Иосифа и прп. Нила: «Иосиф предстает перед

нами как выразитель внешней, формально понимаемой христианской аскезы. Духовное окормление иноков Иосиф строит не на совершенствовании души и воли, а на внешне безупречном поведении монаха»²⁷. В противоположность этому, по мнению Смолича, «для Иосифа аскеза всегда была самоцелью, а для Нила она лишь средство, лишь инструмент. Главное для него — духовный смысл аскезы, ибо сама по себе она лишь внешнее проявление внутренней жизни христианина»²⁸.

И. К. Смолич так же, как Федотов, встраивает исторические облики преподобных Нила и Иосифа в контекст противостояния их последователей, иосифлян и заволжцев: «Расхождения во взглядах по этому вопросу между главными представителями обеих партий доказывают, насколько противоположными были их аскетические воззрения в целом. Для Нила Сорского главное — внутреннее совершенствование инока в атмосфере подлинной аскезы [...]. Иосиф Волоцкий видел в монастырской аскезе прежде всего средство для подготовки монахов к исполнению церковно-административных задач. Он говорил о необходимости тесной связи церковных и государственных дел; Нил, напротив, требовал их разделения и совершенной независимости друг от друга. Монастыри, по мысли Иосифа, должны нивелировать личность инока; поэтому он сказал однажды, что личное мнение — мать всех страстей, что мнение — это второе грехопадение. Нил же защищал человеческую личность, отстаивал внутреннюю свободу подвижника в его духовном делании»²⁹. Исходя из такого подхода, духовный образ прп. Иосифа приобретает историческое значение: «Победа Иосифа имела эпохальное значение. Его приверженцы набирали силы, в особенности со 2-й четверти XVI в. [...] и вскоре иосифляне превратились в самую влиятельную, правящую группу в Русской Церкви»³⁰.

Этот же подход развивает иером. Иоанн Кологривов, который анализирует образы преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого как представителей двух школ русского монашества, реформировавших религиозно ослабевшее монашеское движение на Руси³¹. Католический исследователь подчеркивает разницу реформаторских подходов преподобных Нила и Иосифа: «Все в них было различно — характер,

направление их религиозности, поведение, методы действия, — все, кроме преследовавшейся ими цели. Если Нил стремился реформировать изнутри, покорить мир преобразованием и воспитанием нового человека, то Иосиф хотел достичь того же результата путями внешнего действия и общественного служения»³².

Отсюда, как и у Федотова, у иером. Иоанна «конфликт» двух святых, окончившийся победой иосифлянства, стал иллюстрацией духовной трагедии, если не катастрофы, исказившей живой дух Руси: «На деле борьба шла за самые основы и цели христианской жизни и христианского действия. Столкнулись две религиозные идеи, две религиозные направленности, две религиозные истины: правда общественного служения Церкви и правда Царства Небесного внутри человека, мистического единения его души с Богом»³³.

При этом в исследованиях иером. Иоанна (Кологривова), как и в исследовании повлиявшего на него Федотова, явно очерчивается негатив в оценках как личного, так и общецерковного образа святости прп. Иосифа Волоцкого, в противовес рисуемому светлому образу прп. Нила Сорского. Однако католический исследователь признает историчность идеалов прп. Иосифа и их соответствие запросам времени³⁴.

Несмотря на очевидное влияние Г. П. Федотова на оценку деятельности преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, иером. Иоанн (Кологривов) оригинален в своих выводах. По верному замечанию В. А. Бачина, «Если Г. П. Федотов изобразил противостояние Иосифа Волоцкого и Нила Сорского как статичную, фиксированную оппозицию богословских, этических и социальных воззрений, то о. Иоанн Кологривов представил ее как динамичную антитезу, простершуюся в историческом времени, имеющую свой исток, свою логику развертывания и кульминационный пункт столкновения»³⁵.

Еще один исследователь русского зарубежья — А. В. Карташев — в своей «Истории Русской Церкви» также анализирует деятельность преподобных Нила и Иосифа в контексте их противостояния: «Нельзя достаточно точно оценить богословскую и церковно-практическую

идеологию пр. Иосифа Волоцкого, не сопоставив ее с контрастирующей с ней, даже полемизирующей идеологией его старшего современника, пр. Нила Сорского»³⁶.

Сравнивая духовные идеалы волоколамского игумена и прп. Нила, А. В. Карташев противопоставляет их как идеал внешнего, уставного благочестия и идеал внутреннего делания: «Иосиф не скрывает этого внешнего метода и стиля культивируемого им типа монашества. Он пишет: „прежде о телесном благообразии попечемся, потом же и о внутреннем хранении“»³⁷. Аскетический идеал прп. Иосифа исследователь описывает как попытку «дисциплинировать необузданного первобытного человека, научить, заставить его «ходить по струнке»: это то, о чем он тосковал и в меру достижения чего он испытывал искомое удовлетворение. Так сложился к XV веку тот тип уставного до энтузиазма благочестия, которое (по отсутствию школьного метода) легло в основу будущего, специфически характерного для великоросса старообрядческого раскола»³⁸. Характерно, что Карташев подчеркивает связь иосифлянского благочестия и никоновского раскола.

В то же время А. В. Карташев осторожно высказывается против закрепившейся в предшествующей исторической традиции концепции, противопоставлявшей прп. Иосифа Волоцкого и прп. Нила Сорского³⁹. Вооружившись идеей своего однопартийца по кадетской партии — историка П. Н. Милюкова — об отсутствии в истории личностей, способных переломить ее естественный ход, А. В. Карташев утверждает ошибочность предшествующей историософской концепции, где противопоставлялись идеалы прп. Иосифа идеалам Руси как чуждые ее естественному развитию. «Словом, — резюмирует историк Русской Церкви, — если не диктовать древней русской истории современных нам оценок и программ, а признать органически неизбежным генеральный ход ее по безошибочному инстинкту биологического самоутверждения (а не буддийского самоотрицания), то надо нам, историкам церкви, а не какой-то „культуры вообще“, пересмотреть банальное, пресное, гуманистическое оправдание идеологии и поведения «заволжцев» и признать творческую заслугу

величественного опыта питания и сублимации московско-имперского идеала, как созидательной формы и оболочки высочайшей в христианской (а потому и всемирной) истории путеводной звезды — Третьего и Последнего Рима»⁴⁰.

Более того, А. В. Карташев видит в уставном благочестии русского народа и его обрядовости не косность, а развитие того же духа и любви, которые обнаруживаются в аскезе прп. Нила Сорского⁴¹.

Подобные подходы к историческому образу этих святых мы находим у известных мыслителей и представителей русского зарубежья В. В. Зеньковского и Г. В. Флоровского. Они также полагали, что здесь сталкиваются две правды, имеющие свое право на существование.

Таким образом, мы видим в эмигрантских исследованиях, свободных от идеологических рамок прежней школы, отход от контрастного противопоставления двух святых. Приходит понимание естественности роли прп. Иосифа в отечественной истории.

Современный период как сохраняет предшествующую традицию, противопоставлявшую преподобных Нила и Иосифа, так и развивает эмигрантские концепции.

В ряде сочинений современных авторов анализируются идеи преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого в контексте исследований еретических движений в истории Русской Церкви XV–XVI вв. Так, В. И. Буганов и А. П. Богданов в своем труде «Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви» рисуют картину социального противостояния беднеющего общества и богатеющей Церкви⁴². В их исследовании роль прп. Иосифа и Геннадия (Гонозова) в борьбе с ересями оценивалась в контексте классовой борьбы эксплуатируемых низов и духовенства, которое «идеологически освящало господство феодалов»⁴³. Такая оценка исторического образа этих преподобных отражала подход советской исторической школы первой половины XX в. и не учитывала труды А. А. Зимина, Я. С. Лурье, митр. Питирима (Нечаева).

Иной подход мы обнаруживаем в обширной монографии М. Зарезина «Еретики и заговорщики 1470–1505 гг.». В своей работе

на широком историческом материале он попытался сопоставить и объединить различные оценки личности св. Иосифа Волоцкого и св. Нила Сорского в контексте происходивших еретических брожений. Его критике подвергаются попытки А. И. Плигузова, митр. Питирима (Нечаева) и других утверждать едва ли не полное единомыслие в делах и мыслях волоколамского игумена и «великого старца»⁴⁴. Такой подход историософичен, как и попытки выстроить схему «партийного» противостояния преподобных Нила и Иосифа, и вступает в противоречие с историческими свидетельствами, прежде всего с сочинениями самих преподобных.

Отражают современные работы и другой подход, разработанный в трудах Федотова и Кологривова, противопоставляющий фигуры преподобных в духовной борьбе. Именно к такому подходу можно отнести работы современного исследователя, доктора социологических наук В. А. Бачина. Он анализирует образы преподобных Нила и Иосифа не только в контексте противостояния «стяжателей» — «нестяжателей», но и в контексте антитезы евангелизма и византизма⁴⁵. Трактовка Бачина отражает тенденции, возникшие в оценках еретических движений на Руси в протестантской среде с 90-х годов XX века. По словам А. И. Алексева, «Исходным импульсом и общим местом для работ российских протестантов является стремление „удревнить“ историю русского протестантизма, доказать, что „дух“ протестантизма, или евангелизма, всегда был неотъемлемой составляющей русской религиозности»⁴⁶.

В. А. Бачин признает жизненный, то есть исторический потенциал иосифлянских идей, но отказывает им при этом во внутренней ценности. Его суммарное отношение к антитезе прп. Нила Сорского и прп. Иосифа Волоцкого выражено в его статье «Византизм Иосифа Волоцкого против евангелизма Нила Сорского»: «Для иосифлян невозможны были такие отношения с нестяжателями, которые строились бы на началах духовного союза. Главная причина этого заключалась в том, что иосифляне ценили во властных и церковных структурах дух системы и стремились подавить все те проявления личностной активности, которые в эту систему не вписывались. Они отвергали альтернативную

позицию русских богоискателей, опирающуюся на индивидуальный религиозный опыт, восходящий к евангельским заповедям. Это неприятие привело к тому, что в Ниле Сорском и его последователях увидели не социальных партнеров, а оппозиционеров, с которыми следовало бороться всеми доступными способами, чтобы в конечном счете их уничтожить»⁴⁷.

Среди современных исследователей, давших оригинальный взгляд на исторические образы преподобных Нила и Иосифа, следует отметить А. И. Алексева⁴⁸ и А. Ю. Григоренко. В своих докторских авторефератах они критически оценивают попытку вести начало полемики между иосифлянами и нестяжателями от предполагаемого конфликта прп. Нила Сорского и прп. Иосифа Волоцкого. Они обращают внимание на то, что первое прямое столкновение произошло на Соборе 1503 года, когда прп. Нил выступил против монастырского землевладения, а прп. Иосиф оппонировал его взглядам. Победила позиция прп. Иосифа, однако, отмечает А. И. Алексеев, это не привело к конфронтации между преподобными. А вскоре после этого, в 1508 году, прп. Нил умирает. Отсюда видно, что фигуры прп. Нила и прп. Иосифа в исследованиях XIX–XX веков сплетены, как кажется, сильнее, чем в реальной истории.

А. Ю. Григоренко полагает, что прп. Нил стоит в стороне от партийных споров⁴⁹, а подлинный конфликт складывается между прп. Иосифом и митр. Зосимой, который и противопоставляет нестяжательские идеи взглядам волоколамского игумена.

В то же время А. И. Алексеев в своей монографии и статьях в Православной энциклопедии, посвященных прп. Иосифу Волоцкому и жидовствующим, настаивает на отсутствии противостояния между преподобными⁵⁰. В своем интервью «Правда и мифы об Иосифе Волоцком» он утверждает: «... это вовсе не миф. Нил Сорский и Иосиф Волоцкий придерживались совершенно различных образцов монастырского устройства. Идеалы преподобных вовсе не обязательно должны были столкнуться по вопросам об отношении к еретикам и к вотчинам монастырей. Но по воле великого князя Ивана III сорский аскет

оставил свой скит и на церковном Соборе 1503 года поддержал проект изъятия земельных вотчин у монастырей. Связанный родственными и дружескими узами с придворными кругами Нил Сорский выступил и против преследования тех лиц, которые обвинялись в еретичестве. Споры по этим вопросам и провели границу между последователями преподобного Иосифа и так называемыми „нестяжателями“. Следует отметить, что именно нестяжатели пользовались покровительством великокняжеской власти, а Иосифу и его ученикам пришлось претерпеть немало бедствий от преследований светских властей. В историографии двух последних столетий родился совершенно другой миф, противоречащий реальности: Иосиф стал воплощением нетерпимости, стяжательства, угодничества к власти предержащим, а преподобный Нил обрел привлекательный в глазах либеральной интеллигенции облик аскета-интеллектуала. В дальнейшем, когда стали известны факты литературного сотрудничества Нила Сорского с учениками Иосифа, возникла версия об отсутствии противоречий между преподобными. Современные исследования дают возможность рассматривать факт литературного сотрудничества как эпизод неудачной попытки учеников Иосифа найти пути примирения с нестяжателями»⁵¹.

В исследованиях А. И. Алексеева великий старец уже становится источником преследований и противостояний иосифлян, что, на наш взгляд, является слишком смелым утверждением.

Проведенный анализ показывает, как личные и научные предпочтения исследователей зачастую искажают исторический и агиологический образ святых, превращая их в политические фигуры. Однако можно отметить, что ангажированные подходы прошлого в оценках личности преподобных, опиравшиеся на устаревшие историософские схемы, в настоящее время меняются на более взвешенные, вне упрощенной схемы черно-белого противостояния. В историческом анализе образов святых Нила и Иосифа, особенно в контексте оценок их влияния на развитие духовного облика Руси, учитываются объективные исторические факты, формировавшие личности этих святых.

Таким образом, очевидно, что в современных исследованиях ослабевает стремление превратить одну из сторон в виновника исторического кризиса русской духовности. Перспективным направлением является, с нашей точки зрения, анализ объективных факторов, формировавших популярность фигуры прп. Иосифа Волоцкого и обеспечивших устойчивость предложенной им модели духовного развития Руси.

Примечания и библиографические ссылки

1. См.: Кочеров С. Н., Семикопов Д. В. «Иосифляне» и «нестяжатели»: два лика Святой Руси // Религиоведение. 2007. № 2. С. 21–30.
2. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. 3-е изд. Париж, 1983. С. 17.
3. Цит. по: Питирим (Нечаев), митр. Церковная история // Преданный служитель Церкви: О церковной и общественной деятельности митрополита Питирима (Нечаева): [Сборник трудов и воспоминаний] / Автор-сост. Е. С. Полищук. М.: Издат. совет Русской Православной Церкви, 2009. С. 322.
4. О понимании святости на Руси см., к примеру: Ворохобов А. В., Гимоян С. А., Третьяков И. С. Онтология и механизмы функционирования российской национальной идентичности // Государство, общество и Церковь: российская нация и национальное единство: Материалы науч.-практ. конф. с международным участием. Новосибирск, 29–30 октября 2019 г.: в 2-х ч. Ч.1 / Под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2019. С. 185–186; Ворохобов А. В. Христианское послание и его контекстуализация // Дамаскин. Журнал Нижегородской духовной семинарии. Н. Новгород, 2019. № 4(50). С. 10–15; Зуев А. Н., прот., Дождев В. Е. Праведный Иов Многострадальный как образец святости в современном секулярном мире // Феномен святости в истории русской цивилизации: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2019 года) / Под ред. А. В. Ворохобова. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2019. С. 80–92; Калаганов А. А., свящ., Красноперов Д. В., свящ. Образ святости на примере жизни святителя Афанасия (Сахарова) // Феномен святости в истории русской цивилизации: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2019 года) / Под ред. А. В. Ворохобова. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2019. С. 101–108; Краев В. А., прот., Воронов А. А., прот., Горбатовский Н. Ю., прот., Дроздов А. И., прот., Кондратьева А. Д. Русская Православная Церковь, идеал Святой Руси и политика модернизации России // Феномен святости в истории русской цивилизации: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2019 года) / Под ред.

- А. В. Ворохобова. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2019. С. 116–122; Семенов А. В., священник, Смагин В. П., прот. Интерпретация феномена «святости» (идеала жизни) в философском наследии В. В. Розанова // Феномен святости в истории русской цивилизации: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2019 года) / Под ред. А. В. Ворохобова. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2019. С. 118–125; Собко Р. В. (иером. Лаврентий), Гуторов Ю. А., Пешков А. А., Плаксин В. А., священник, Гимоян С. А., прот. Нравственная характеристика понятий «ветхий» и «новый» человек в творчестве свт. Тихона Задонского // Феномен святости в истории русской цивилизации: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2019 года) / Под ред. А. В. Ворохобова. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2019. С. 241–248.
5. Исключение составляет лишь работа Томаса Шпидлика «Русская идея», в которой нашла отражение главная идея Лилиенфельда, что прп. Нил хотел только возрождения пустынножительства. (См.: Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. М.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 464 с.)
  6. Лилиенфельд Ф. Православная община. № 26. М., 1995. О некоторых причинах приостановки исследований о Ниле Сорском и его роли в истории. Электронный ресурс.
  7. Питирим (Нечаев), митр. Цит. соч. С. 322.
  8. В соответствии с этой концепцией, например, победа прп. Иосифа Волоцкого на Соборе 1503 г. выглядела как уступка Ивана III в вопросе о церковном землевладении ради его идеологии царской власти.
  9. Платон (Левшин), митр. Краткая церковная российская история. Т. 1. М., 1805.
  10. Иннокентий (Смирнов), еп. Начертание церковной истории от Библейских времен до XVIII в. Отд. второе. СПб., 1817.
  11. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12-ти т. Т. VI. СПб., 1819. С. 205.
  12. Однако здесь же Карамзин дает оценку соответствия его деятельности евангельским идеалам: «Сия жестокость скорее может быть оправдана политикой, нежели верой христианской» (С. 205).
  13. Винокуров Д. А. Начальный этап изучения истории раннего иосифлянства в контексте формирования российской церковно-исторической науки: первая половина XIX века // Исторический ежегодник. 2009. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2009. С. 19–36. С. 22.
  14. Там же. С. 19.

15. Казанский П. С. Преподобный Иосиф Волоколамский. М., 1847; Булгаков Н. А. Преподобный Иосиф Волоколамский. Церковно-историческое исследование. СПб., 1865.
16. См. напр.: Турчанинов Н. П. О Соборах, бывших в России со времени введения в ней христианства до царствования Иоанна IV Васильевича. СПб., 1829. С. 134.
17. Булгаков Н. А. Цит. соч. С. 215:
18. Цит. по: Винокуров Д. А. Начальный этап изучения истории раннего иосифлянского в контексте формирования российской церковно-исторической науки: первая половина XIX века. Указ. изд. С. 33. См. также: Филарет (Гумилевский), свт. Обзор русской духовной литературы, 862–1720 гг. // Ученые записки второго отделения Императорской Академии наук. СПб., 1856. Кн. 3. С. 122.
19. Хрущев И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868.
20. Подробно об этом пишет Винокуров Д. А., см.: Винокуров Д. А. Из истории научных конфликтов в отечественной историографии XIX века: полемика вокруг магистерской диссертации И. П. Хрущова (1868–1870) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 18 (199). История. Вып. 41. С. 25–31.
21. Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: ЭКСМО, 2008. С. 311.
22. См. напр.: Айвазян К. В. Ересиарх Захария Скара и крымско-литовские армяне // Армянская и русская средневековые культуры. Ереван, 1986. С. 403–444; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960.
23. Питирим (Нечаев), митр. Цит. соч. С. 329.
24. Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости // Путь. № 27. 1931. С. 43–70. С. 67.
25. Там же.
26. Там же.
27. Смолич И. К. Русское монашество // https://azbyka.ru/otechnik/Igor_Smolich/russkoe-monashestvo/4_1
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. См.: Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории русской святости. Брюссель: Жизнь с Богом, 1961. С. 167.
32. Там же. С. 168.
33. Там же. С. 178.

34. Там же. С. 204.
35. Бачин В. А. Византизм Иосифа Волоцкого против евангелизма Нила Сорского // Газета Протестант // <http://www.gazetaprotestant.ru/2010/10/vizantizm-iosifa-volockogo-protiv-evangelizma-nila-sorskogo/>
36. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. Париж: YMCA-PRESS, 1959. С. 409–410.
37. Там же. С. 407.
38. Там же. С. 407.
39. Для «усмирения» монополю водворившейся в старой русской исторической науке сравнительной оценки двух идеологий – «стяжательской» и «нестяжательской» — мы можем теперь сослаться на пересмотр этой точки зрения, начавшийся в подсоветской науке, чуждой старым предубеждениям. Например, молодой ученый Я. С. Лурье (Труды отд. др.-рус. лит. Академии наук, т. XIII, 1957) документально показывает, что в богословствовании на тему о церковных имуществах и пр. Нил и пр. Иосиф не так уже радикально отрицали друг друга. Они даже литературно боролись «единым фронтом» против отравы ересью жидовствующих. (А. В. Карташев. Очерки по истории Русской Церкви. Указ. изд. С. 415).
40. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Указ. изд. С. 414–415.
41. Такой подход А. В. Карташева позволяет осмыслить конфликт двух идеалов не как специфическое местное явление, но как универсальный феномен. Пример подобного столкновения двух форм аскезы мы видим в конфликте прп. Симеона Нового Богослова и братии его монастыря, критиковавшей его духовные поиски и утверждавшей, что в нынешней век апостасии для спасения достаточно держаться устава монастыря. Или в критике свт. Григория Нисского форм обрядовой мелочности как мешающих духовному развитию.
42. См. напр.: Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. С. 39–40.
43. Там же. С. 12.
44. См.: Зарезин М. Еретики и заговорщики 1470–1505 гг. М.: Вече, 2010.
45. Бачин В. А. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский // Вопросы истории. 2008. № 10. См. также: Бачин В. А. Византизм Иосифа Волоцкого против евангелизма Нила Сорского: электронный ресурс.
46. Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI вв. Автореф. дис.... докт. ист. наук. СПб., 2012.
47. Бачин В. А. Византизм Иосифа Волоцкого против евангелизма Нила Сорского: электронный ресурс.

48. См. его монографию: Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010.
49. Григоренко А. Ю. Основные направления русской религиозной мысли конца XV — первой половины XVI в. Дис.... докт. филос. наук. На правах рукописи. СПб., 2012. С. 182.
50. Алексеев А. И. Иосиф // Православная энциклопедия // <http://www.pravenc.ru/text/578410.html>
51. Алексеев А. И. Правда и мифы об Иосифе Волоцком // <http://www.eparhia-kaluga.ru/news/obshchetserkovnye-novosti/7209-pravda-i-mify-ob-iosife-volotskom.html>

Библиография

1. Айвазян К. В. Ересиарх Захария Скара и крымско-литовские армяне // Армянская и русская средневековые культуры. Ереван, 1986. с. 403–444.
2. Алексеев А. И. Иосиф // Православная энциклопедия // <http://www.pravenc.ru/text/578410.html>
3. Алексеев А. И. Правда и мифы об Иосифе Волоцком // <http://www.eparhia-kaluga.ru/news/obshchetserkovnye-novosti/7209-pravda-i-mify-ob-iosife-volotskom.html>
4. Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI вв. Автореф. дис.... докт. ист. наук. СПб., 2012. 62 с.
5. Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. 390 с.
6. Бачин В. А. Византизм Иосифа Волоцкого против евангелизма Нила Сорского // Газета «Протестант» // <http://www.gazetaprotestant.ru/2010/10/vizantizm-iosifa-volockogo-protiv-evangelizma-nila-sorskogo/>
7. Бачин В. А. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 3–13.
8. Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. М.: Политиздат, 1991. 526 с.
9. Булгаков Н. А. Преподобный Иосиф Волоколамский. Церковно-историческое исследование. СПб., 1865. 215 с.
10. Ворохобов А. В., Гимоян С. А., Третьяков И. С. Онтология и механизмы функционирования российской национальной идентичности // Государство, общество и Церковь: российская нация и национальное единство: Материалы науч.-практ. конф. с международным участием, г. Новосибирск, 29–30 октября 2019 г.: в 2-х ч. Ч.1 / Под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2019. С. 185–186.

11. Ворохобов А. В. Христианское послание и его контекстуализация // Дамаскин. Журнал Нижегородской духовной семинарии. Н. Новгород, 2019. № 4(50). С. 10–15.
12. Винокуров Д. А. Из истории научных конфликтов в отечественной историографии XIX века: полемика вокруг магистерской диссертации И. П. Хрущова (1868–1870) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 18 (199). История. Вып. 41. С. 25–31.
13. Винокуров Д. А. Начальный этап изучения истории раннего иосифлянства в контексте формирования российской церковно-исторической науки: первая половина XIX века // Исторический ежегодник. 2009.; Сб. научных трудов. Новосибирск, 2009. С. 19–36.
14. Григоренко А. Ю. Основные направления русской религиозной мысли конца XV — первой половины XVI в. Дис.... докт. филос. наук. СПб., 2012. 365 с.
15. Зарезин М. Еретики и заговорщики 1470–1505 гг. М.: Вече, 2010. 367 с.
16. Зуев А. Н., прот., Дождев В. Е. Праведный Иов Многострадальный как образец святости в современном секулярном мире // Феномен святости в истории русской цивилизации: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2019 года) / Под ред. А. В. Ворохобова. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2019. С. 80–92.
17. Иннокентий (Смирнов), еп. Начертание церковной истории от Библейских времен до XVIII в. Отд. второе. СПб., 1817.
18. Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории русской святости. Брюссель: Жизнь с Богом, 1961. 419 с.
19. Казанский П. С. Преподобный Иосиф Волоколамский. М., 1847. 71 с.
20. Калаганов А. А., свящ., Красноперов Д. В., свящ. Образ святости на примере жизни святителя Афанасия (Сахарова) // Феномен святости в истории русской цивилизации: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2019 года) / Под ред. А. В. Ворохобова. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2019. С. 101–108.
21. Краев В. А., прот., Воронов А. А., прот., Горбатовский Н. Ю., прот., Дроздов А. И., прот., Кондратьева А. Д. Русская Православная Церковь, идеал Святой Руси и политика модернизации России // Феномен святости в истории русской цивилизации: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2019 года) / Под ред. А. В. Ворохобова. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2019. С. 116–122.
22. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12-ти т. Т. VI. СПб., 1819.
23. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. Париж: YMCA-PRESS, 1959.
24. Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: ЭКСМО, 2008. 510 с.

25. Кочеров С. Н., Семикопов Д. В. «Иосифляне» и «нестяжатели»: два лика Святой Руси // Религиоведение. 2007. № 2. С. 21–30.
26. Лилиенфельд Ф. Православная община. № 26. М., 1995. О некоторых причинах приостановки исследований о Ниле Сорском и его роли в истории // <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1995/no26/article/professor-feri-fon-lilienfeld-o-nekotorykh-prichinakh-p/>
27. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960.
28. Питирим (Нечаев), митр. Церковная история // Преданный служитель Церкви: О церковной и общественной деятельности митрополита Питирима (Нечаева): [Сборник трудов и воспоминаний] / Автор-сост. Е. С. Полищук. М.: Издат. совет Русской Православной Церкви, 2009. 552 с.
29. Платон (Левшин), митр. Краткая церковная российская история. Т. 1. М., 1805.
30. Семенов А. В., священник, Смагин В. П., прот. Интерпретация феномена «святости» (идеала жизни) в философском наследии В. В. Розанова // Феномен святости в истории русской цивилизации: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2019 года) / Под ред. А. В. Ворохובהва. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2019. С. 118–125.
31. Собко Р. В. (иером. Лаврентий), Гуторов Ю. А., Пешков А. А., Плаксин В. А., священник, Гимоян С. А., прот. Нравственная характеристика понятий «ветхий» и «новый» человек в творчестве свт. Тихона Задонского // Феномен святости в истории русской цивилизации: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2019 года) / Под ред. А. В. Ворохובהва. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2019. С. 241–248.
32. Смолич И. К. Русское монашество // https://azbyka.ru/otechnik/Igor_Smolich/russkoe-monashestvo/4_1
33. Турчанинов Н. П. О Соборах, бывших в России со времени введения в ней христианства до царствования Иоанна IV Васильевича. СПб., 1829.
34. Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости // Путь. № 27. 1931. С. 43–70.
35. Филарет (Гумилевский), свт. Обзор русской духовной литературы. 862–1720 гг. СПб.: тип. Академии наук, 1857. 300 с.
36. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. 3-е изд. Париж, 1983.
37. Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868. 266 с.
38. Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. М.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 464 с.

